

Классик — и в авангарде

Борис ЖУТОВСКИЙ: Я выбираю те стаи, в которых мне комфортно

Век. Москва — 2000 — 31 марта — с. 5

У Жutowского удивительный голос.

Такие хорошо прокуранные, очень (чтобы не написать «настоящие») мужские и очень нежные голоса с чувственными обертонами рождались только в среде советской московской интеллигенции. Такими голосами очаровывают юных женщин. Такими голосами ведут крамольные беседы с просвещенным юношеством. Журналист Юрий Рост Жutowского прозвал «штучным человеком». Рост считает, что Жutowский «олицетворяет собой необыкновенное природное явление: не быть там, где он есть». Отдельные индивидуумы также полагают, что Жutowских двое: одного зовут Бова-балагур, другого — Борис Осич, и никогда нельзя точно знать, с кем разговариваешь в данный момент. Смейте надеяться на то, что двуликий Янус отечественной живописи действительно присутствовал при разговоре.

ЖИВАЯ НАТУРА

Дарья АКИМОВА

-Вы как-то избежали московской эпидемии переездов...

— Я в своей квартире живу уже шестьдесят два года из моих шестидесяти семи. Что противоестественно для советской власти. Она всегда очень старалась, чтобы никто нигде не врос, не укоренился. Обязательно надо всех перетасовать! Временячки, хрущевочки. То одно сносят, то другое... Туда пихают, сюда... Я на своем Кутузовском знаю все. Я на близлежащих кладбищах еще школу прогуливал — теперь на этом месте дома ЦК стоят. Русское кладбище начиналось от развилки, где сейчас пиццерия. Затем было еврейское кладбище. Не так много лет назад мой внук катался на лыжах, упал и разбил коленку. Я разгреб снег, достал камень, а он с еврейскими письменами.

А в углу русского кладбища стоял обелиск: тремстам русским воинам, погибшим в Бородинском сражении. Когда старое кладбище снесли, дом построили, памятник все стоял на проезжей части.

— Как на проезжей части?

— Ну на проезжей части, и все. Возле дома, где Брежнев жил. А потом обелиск сняли, и отнесли к панораме Бородинской битвы. А кости там так и остались, под шоссé!

— Вы могли бы тогда, в советские времена, ради статуса официально признанного художника...

— Нет. Нет. Нет. Просто потому, что слишком уж хочу писать. А если лечь под кого-то, то времени на это не останется. Придется бегать и утрясать: кому-то ты нравишься, кому-то — нет.

— Как вам удается не быть циником?

— А некогда.

— То есть циник — он тунейдец, что ли?

— Понимаете, в чем дело... Циник исповедует религию успеха в жизни. А если вы ее исповедуете, то в ваших неудачах виновны все. Квартира не досталась, медаль не дали... А из-за кого? Из-за тех, тех и вон тех еще.

Другое дело — религия самосовершенствования, если можно так сказать. Надо потрудиться и поискать в себе свои проблемы. Встал с утра, подошел к зеркалу, по щекам себе надавал: что? посуда грязная? Значит, сам не помыл.

— Вы занимаетесь домашними делами?

— Ну, иногда конечно. Иногда я, иногда жена — теперь у меня жена есть.

— Существо, которое мелькало на вернисаже вышей недавней выставки, — дочка?

— (влюбленно) Падчерица.

— Как вы с ней?

— Хорошо. Если детей завел — значит, должно быть хорошо, а иначе незачем заводить. Правда, я двадцать с лишним лет прожил один...

— Привычка к холостой жизни?

— Да. Очень трудная вещь.

— Художник — профессия?

— И профессия тоже. Ремесло — понятие важное. Надо уметь. И процесс на-у-че-ни-я невозможно убыстришь.

— Кто-то из великих говорил про девяносто процентов трудолюбия...

— Да, да! Я это грубо называю «жопочасы». Сидеть, работать! И все тут.

— Вы испытываете профессиональную зависть к коллегам?

— (решительно) Да. Да.

— Это хорошо?

— Конечно. Когда я смотрю на картину Брюллова «Гибель Помпеи» или на его акварельный портрет Натальи Николаевны, смотрю, как он пальчики ей сделал, я понимаю, что это Король ремесла. Это дорого стоит.

— Когда к вам подходит «чайник» и говорит: чой-то вы плохо нарисовали лошадь? — не посылаете?

— А зачем? Мне так кажется: если человек подошел, спросил, нужно дать себе труд и найти время, чтобы рассказать все, что ему интересно.

— И журналисты пристают. Вот концептуалистам очень нравятся. Это их творения комментируют.

— Ну, видите ли... (лукаво прищуривается — Д. А.). Давайте уж начистоту: я уверен, что если бы я не был собой, то фиг бы вы ко мне пришли. Нечего было бы комментировать.

— Вы себя относите к классикам авангарда?

— Вы сейчас сказали поразительную в своей абсурдности вещь. Классик — и в авангарде... Я... Я просто художник двадцатого века. Прошлого века.

— Без страхов жить нельзя?

— Без страхов жить невозможно. Но можно заставить себя не бояться.

— Как?

— Это называется мужеством. В конце концов, всегда может сосулька на голову упасть, может какой-то негодяй вас убить. И потом, есть еще и любовь к риску.

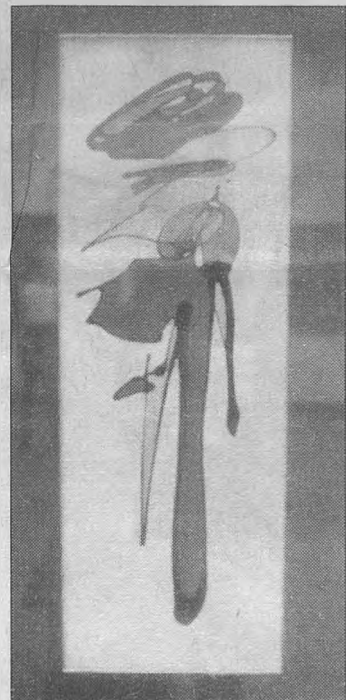
— Знакомо?

— Знакомо. В юности пройти какую-нибудь горную реку на пло-

ту через пороги или забраться на серьезную вершину — запросто. Сейчас думаю: а на хрена ты это делал? Нет, миленький, тут дело даже не в моде. Азарт, желание быть лучше кого-то. К тому же ни один габэшник за нами туда не лез. Мы там пели песни, мы там оттягивались. Мы жили псевдосвободной жизнью.

Поэтому сейчас все и кричат: ах, бездуховность, ах, бездуховность! Да какая бездуховность? Нормальная жизнь. Люди просто хотят жить лучше, богаче, интереснее. Не перечитывать Гоголя, а ехать на Канарские острова...

Для кого-то эта картина Жutowского символизирует мужское начало, для кого-то — вселенский хаос

Больше вариантов. Больше возможностей работать. Вот у меня в 98-м году было восемь выставок. Начался год — уже открыл выставку. Это же труд! Надо картинки в рамы вставить, повесить, этикетки присобачить, людей принять, людей выпроводить, картинки снять, убрать... И конечно, это требует времени. А так — валялся бы, читал бы собрания сочинений любимых писателей. Или новенькое что-нибудь — сейчас вон сколько хороших книжек издают.

— Ой ли?

— Много. Очень много хорошей литературы. В ней просто сложно разобраться. Это раньше каждая хорошая книга была событием. Они заметнее были — вот и все.

— А что самое страшное в сегодняшней жизни?

— Незнакомость. Мне 67, у меня есть какие-то привычки. Для вас и то много незнакомого. А для меня... Скажем, моя основная профессия — книжный художник. Сейчас даже система измерения изменилась! Корпус, нонпарель — помните? Да? Сейчас: «Ты какой набор делаешь?» — «Девять на двенадцатой ноге», — говорит он. И все.

А ошибок в печати теперь просто несметное количество. Ребята, ну стыдоба! Это называется хамством. Есть просто элементарные нормы в профессии! (становится ужасным и величественным — Д. А.)

— Вы себя не ощущаете песчинкой... или каплей в море? Неуютно не бывает?

— Бывает, конечно. Но чтобы чувствовать себя такой уж маленькой песчинкой — нет. Я ведь поэту никуда и не уехал: я здесь дома, это мой город. Еще я езжу в Ижевск, там есть частный университет: преподаю, я у них профессор, они построили под меня галерею. Я, что называется,

Надо потрудиться и поискать в себе свои проблемы. Встал с утра, подошел к зеркалу, по щекам себе надавал: что? посуда грязная? Значит, сам не помыл

жаждем и востребован. Здесь. Это очень важно.

Ваша «песчинка» и «неуют» появляются тогда, когда вы абсолютно никому не нужны. Когда никто вас не хочет, не любит, не ждет. Чтобы было иначе, нужно жить среди близких вам по духу и занятиям людей. Человек ведь стайное существо. Я сам выбираю те стаи, в которых мне комфортно. И не очень люблю своих «товарищей по труду». У меня не так много друзей-художников. Безмерное честолюбие, как правило, не скрываемое. Заключенность на себе. Это ужасно. В-первых, я занимаюсь тем же самым. Во-вторых, зачем мне слушать его проблемы, если у меня такие же?

— «Это не мои проблемы?» Это же не по-нашему.

— Ну, не так примитивно! Нет, мне просто скучно.

— В каком уголке земного шара у вас нет знакомых?

Досье «ВМ»

Жutowский Борис Иосифович — художник, график. Родился 14 декабря 1932 года в семье потомственных москвичей. Выпускник Московского полиграфического института. Долгое время считался не столько художником-абстракционистом, сколько художником-скандалистом. Участвовал в пресловутой выставке авангарда в Манеже (1962-й год), во время осмотра которой Н.С. Хрущев орал сакраментальное: «Пидарасы!».

В живописи — сорок лет. Проиллюстрировал более двух тысяч книг. В конце шестидесятых считался в СССР персоной нон-грата и работал под чужими фамилиями. Первая легальная выставка Жutowского на Крымском валу состоялась в 1990-м году.

— Хороший вопрос. Вот на день рождения мне позвонил из Исландии приятель. Или еще. На днях — телефон: «Я тебя поздравляю с днем рождения, только говорить буду кратко: здесь минута разговора стоит 12 долларов, разговор идет через спутник, а спутник вот-вот завалится». — «Откуда ты?» — «А я в государстве, которое можно найти так: по карте от Йоханнесбурга идешь наверх, потом поворачиваешь направо к водопаду Виктория». — «Ты знаешь, я к тебе приеду!» — «Приезжай, только тут трахаться нельзя: восемьдесят процентов вич-инфицированы». — «Слушай, я же не для этого приеду».

— Праздники любите? — Нет. Терпеть не могу. Ну почему я вам должен клясться в любви и расположении только восьмого марта, а вы мне — только 23 февраля. Солнышко, что за свинство!

Праздники — они как дни рождения. Ты сам себе не принадлежишь (капризно). Это унижительно! Это мой день рождения, я хочу его провести так, как я хочу! С утра звонят мама, папа, тетя. Ля-ля-ля. И каждому надо объяснять, почему я хочу побыть сегодня один или с семьей, почему у тебя денег нет на пьянку или почему надоели эти пьянки!

— А как насчет денег, кстати?

— Ну вот, работаю. Иногда покупают картинки.

— Кто покупает?

— Просто богатые люди. Или посредники богатых людей: покупают задешево, вставляют в рамочки и продают задорого. А кто еще может сегодня себе позволить картинку? В конце концов, не может голодный человек покупать картинку! С голоду какие вам картинки могут быть?

— Вы благосклонны к новым русским?

— Почему нет? Вот недавно я рисовал портрет одного очень богатого человека. Ему тридцать два года, он из Коломны. Я дал ему почитать Даниила Данина, который написал одну из самых удивительных книжек в моей жизни — «Бремя стыда». Подзаголовок — «Пастернак и мы». Вышла она в издательстве «Московский рабочий». Через несколько недель он мне звонит:

«Боречка, скажите, пожалуйста, а мы не могли бы эту книгу переиздать?» — «Не то чтобы переиздать, а мы могли бы ее издать. Заново и очень хорошо, потому что издание, которое я вам подарил, было сокращено — по полиграфическим соображениям». Издали. За его деньги. Полное.

— Уж простите за красивое выражение: как вы сохраняете душевную гармонию?

— Не знаю. Я ее не сохраняю. Полный душевный покой — он у тех, кто уже умер.

В 1975-м году, 10 мая, у меня жена погибла в автокатастрофе. А я сам два года лежал на больничной койке. Меня спасло умение вести дневник. Я каждый день записывал: что нужно изменить, что нужно исправить там, в прошлой жизни. Думал, что стал мудрее. А потом вышел «на волю». И — ничего. Ни хрена не меняется! Не мудрее, и все тут. Это жизнь.